

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ТРУДЫ
ОТДЕЛЕНИЯ
ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК

2016

Ответственный редактор
академик РАН В.А. ТИШКОВ

МОСКВА НАУКА 2017

УДК 930 + 80
ББК 63 + 81
Т78

Издание основано в 2003 году

Редакционная коллегия:

В.И. ВАСИЛЬЕВ, Н.А. МАКАРОВ, А.М. МОЛДОВАН,
Н.В. ТАРАСОВА (составитель),
В.А. ТИШКОВ (ответственный редактор), В.Б. ЧЕРКАССКИЙ

Рецензенты:

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН
М.Л. АНДРЕЕВ,
доктор исторических наук, член-корреспондент РАН
М.Д. БУХАРИН

Научно-организационная подготовка А.А. САРИБЕГЯН

Труды Отделения историко-филологических наук РАН / Отд-ние
ист.-филол. наук РАН. – М.: Наука, 2003 –
2016 / отв. ред. В.А. Тишков; [сост. Н.В. Тарасова]. – 2017. – 413 с. –
ISBN 978-5-02-040020-7 (в пер.).

В очередном выпуске трудов Отделения историко-филологических наук РАН публикуются материалы научной сессии Общего собрания Отделения, посвященной 250-летию Н.М. Карамзина (21 марта 2016), научных чтений Отделения историко-филологических наук РАН (совместно с Отделением общественных наук РАН), посвященных 110-летию академика Д.С. Лихачева (6 декабря 2016), а также докладов, сделанных на заседаниях Бюро ОИФН РАН и методологическом семинаре ОИФН РАН «Гуманитарные чтения» (22 декабря 2016). Авторы дают представление об отдельных этапах формирования отечественной гуманитарной науки и культуры, новейших академических разработках в области российской и всеобщей истории, языкознания и литературоведения, археологии и этнологии, культурологии и музееведения; рассматривают другие важные вопросы гуманитарных наук.

Для историков, филологов, культурологов, широкого круга читателей

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-040020-7

© Отделение историко-филологических наук РАН, 2017
© Тарасова Н.В., составление, 2017
© ФГУП Издательство «Наука», 2017

Часть I

НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ОИФН РАН
«ВРЕМЯ КАРАМЗИНА. К 250-ЛЕТИЮ
Н.М. КАРАМЗИНА – ПИСАТЕЛЯ, ИСТОРИКА,
ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»
(21 марта 2016 г.)

Н.М. КАРАМЗИН И РОССИЙСКАЯ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ
XIX ВЕКА

М.Б. Свердлов

В последний год жизни Н.М. Карамзин обобщил свои наблюдения над современной ему российской действительностью в не предназначенной для печати заметке «Мысли об истинной свободе». Как Карамзин написал, он находился между двумя противостоящими основными политическими группировками.

С одной стороны, аристократы и сторонники существующего государственного устройства – «сервилисты», с другой – демократы и либералы. Первые, по Карамзину, «хотят старого порядка, ибо он для них выгоден», вторые – «нового беспорядка, ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод». Здесь же Карамзин раскрыл свое отношение к этим обеим партиям в связи со своим пониманием российской действительности. «Аристократы! Вы доказываете, что вам надобно быть сильными и богатыми в утешение слабым и бедным (...) Ничего нельзя доказать против чувства: нельзя уверить голодного в пользу голода». Предупреждая потомков о грядущих социальных потрясениях, Карамзин продолжил: «Речи и книги Аристократов убеждают Аристократов, а другие, смотря на их великолепие, скрежещут зубами, но молчат или не действуют, пока обузданы законом или

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ОИФН РАН
«ВРЕМЯ КАРАМЗИНА. К 250-ЛЕТИЮ Н.М. КАРАМЗИНА –
ПИСАТЕЛЯ, ИСТОРИКА, ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»
(21 марта 2016 г.)

<i>М.Б. Свердлов</i> Н.М. Карамзин и российская действительность второй половины XVIII – первой четверти XIX века	3
<i>Ю.С. Пивоваров</i> Уроки Карамзина	24
<i>А.В. Семенова</i> Подвиг честного человека	44
<i>В.К. Кантор</i> Карамзин, или К проблеме российского самопознания	52
<i>В.П. Козлов</i> Н.М. Карамзин: Время и бремя русского писателя и историка	68
<i>В.В. Полонский</i> Н.М. Карамзин и Запад: «Письма русского путешественника»	94
<i>Н.Д. Кочеткова</i> У истоков русской классической литературы. Н.М. Карамзин	104

Часть 2

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ОИФН РАН
(СОВМЕСТНО С ООИ РАН), ПОСВЯЩЕННЫЕ 110-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Д.С. ЛИХАЧЕВА
(6 декабря 2016 г.)

<i>С.М. Толстая</i> Текстология Д.С. Лихачева и лингвистика текста	116
---	-----

<i>А.С. Золотницкий</i> Культурологическое наследие Д.С. Лихачева	127
<i>А.А. Пилоченко</i> Эсхатология и конспирология в русской религиозной культуре	140
<i>А.Л. Топоркин</i> Проблемы фольклора в научном наследии Д.С. Лихачева	154
<i>Г.И. Вздоров</i> Заметки об академике Д.С. Лихачеве	181
<i>Л.И. Сафонова</i> Вспоминая Дмитрия Сергеевича Лихачева	188

Часть 3

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ НА ЗАСЕДАНИЯХ БЮРО ОИФН РАН

<i>С.М. Толстая</i> Из лексикологии древнего славянского права	204
<i>Х.А. Амиратов</i> О датировке многослойной стоянки Айникаб 1 на Северо-Восточном Кавказе (в связи с проблемой первоначального заселения человеком Евразии)	221
<i>Ю.А. Петров</i> Экономика России накануне Великой революции 1917 г.: Современные историографические тренды	233
<i>М.Б. Пиотровский</i> Музей как историк «диалога и конфликта культур». (Пример Эрмитажа)	247
<i>А.Е. Авикин</i> От диалектного этимологического словаря к «новому Фасмеру»	255
<i>С.М. Каптанов</i> Договор Святослава 971 года – первый русский княжеский акт	276
<i>Ю.М. Батурич</i> Конец эпохи. О проекте союзного договора 1991 года	296
<i>В.И. Васильев</i> Из истории становления и развития правового положения Академии наук и ее президентов. (К 290-летию введения института президентства в Академии наук)	317

Амирханов Хизри Амирханович – член-корреспондент РАН, научный руководитель Дагестанского ИЦ РАН и Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, зав. отделом каменного века Института археологии РАН.

Аникин Александр Евгеньевич – академик РАН, зав. сектором русского языка в Сибири Института филологии СО РАН.

Батурин Юрий Михайлович – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН.

Бондаренко Дмитрий Михайлович – член-корреспондент РАН, профессор РАН, заместитель директора Института Африки РАН.

Васильев Владимир Иванович – член-корреспондент РАН, директор ФГБУ науки НИЦ «Наука» РАН, Председатель Научного совета РАН по комплексной проблеме «История Российской академии наук».

Вздорнов Геральд Иванович – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации.

Гринцер Николай Павлович – член-корреспондент РАН, профессор РАН, директор Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Завесницкий Александр Сергеевич – член-корреспондент РАН, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Кантор Владимир Карлович – доктор философских наук, профессор Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Каштанов Сергей Михайлович – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Козлов Владимир Петрович – член-корреспондент РАН, профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

Кочеткова Наталья Дмитриевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Панченко Александр Александрович – доктор филологических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Петров Юрий Александрович – доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН.

Пивоваров Юрий Сергеевич – академик РАН, научный руководитель Института научной информации по общественным наукам РАН.

Пиотровский Михаил Борисович – академик РАН, директор Государственного Эрмитажа.

Полонский Вадим Владимирович – доктор филологических наук, профессор РАН, директор Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Саломова Лидия Ивановна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Свердлов Михаил Борисович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Семенова Анна Владимировна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Сиренков Алексей Владимирович – член-корреспондент РАН, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Толстая Светлана Михайловна – академик РАН, зав. отделом этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН.

Топорков Андрей Львович – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Успенский Федор Борисович – член-корреспондент РАН, профессор РАН, зам. директора Института славяноведения РАН, ведущий научный сотрудник лаборатории медиевистических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

КАРАМЗИН. ИЛИ К ПРОБЛЕМЕ РОССИЙСКОГО САМОПОЗНАНИЯ

В.К. Кантор

До Петра Великого Московская Русь воспринималась западными путешественниками почти как дикая Африка, где были свои владыки, но жизнь текла вне всяких норм, как в захваченной неприятелем стране, поскольку не было никаких гарантий жизни и собственности. Английский посланник Джилье Флетчер писал, что русские трудолюбивые крестьяне стараются работать меньше, а заработанное прятать как перед нашествием неприятеля. Западные путешественникам казалось, что это навсегда. Но, как писал Пушкин, случай — мгновенное и мощное орудие провидения решает многое. Необходим был культурный герой, из тех, что знали все народы, начиная от Гильгамеша. Тесея, Геракла и кончая Карлом Великим. Интересно, что рассуждая о судьбе России три русских мыслителя (Карамзин, Пушкин, Хомяков), не зная об этих словах, оставшихся в их бумагах и не обнаруженных при жизни, употребили одну и ту же формулу: «Явился Петр. Петр Великий как явление! Как политическая и военная сила Россия вошла в Европу при Петре, но необходимо было интеллектуальное утверждение европейских ценностей, которые создали бы из Калибана волшебника Просперо.

И это произошло: возник тип русского европейца, молодого и сильного европейца, который, несмотря на внутренние и внешние катаклизмы, в течение двух столетий состоялся и уцелел, выступив против большевизма в России, сражаясь против нацизма в Европе (две трети погибших героев французского Сопротивления — русские люди. Всего в **движении Сопротивления** во Франции сражались более 35 тыс. **русских** и выходцев из России). Но кто стоял у начала этого духовного становления, кто первым сделал интеллектуальное усилие этой духовной возгонки по превращению русских людей в европейцев, но **русских европейцев?** Попыток было немало, но решающей оказалась деятельность Карамзина, создавшего — без преувеличения — практически всю область русской духовности: прозаик, поэт, переводчик, свободно говоривший на нескольких европейских языках, путешественник, открывший России Европу, великий историк и незаурядный мыслитель, заложивший в России нормы цивилизованного прочтения мира. Мы называем его следом за Пушкиным последним русским летописцем и первым русским историком.

мы помним, что Пушкин посвятил Карамзину своего Бориса, не всегда, правда, отдавая себе отчет, что нужна была особая точка отсчета в описаниях российской дикости, чтобы она могла стать и точкой отсчета для написания первой русской исторической трагедии (по шекспировским канонам, но нужен был материал для этих канонов). Неладом Пушкин колебался, как назвать свою пьесу и назвал ее «Комедией о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и Гришке Отрепьеве». Там, конечно и юродивый, и сцена в корчме у Литовской границы, где Пушкин позволяет себе откровенное хулиганство, когда Отрепьев, понимая, что в Литву ведет только один путь, о нем и спрашивает молодую хозяйку: «А далече ли до Луёвых гор?». «Луёвы горы» в конечном варианте Пушкин оставляет, но начинает понимать, что написалось нечто большее, чем раяшная потешка. И посвятил в итоге ее Карамзину, без которого этого размаха, в понимании русской судьбы, не было бы. «Драгоценной для россиян памяти НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА сей труд, гением его вдохновенный, с благодарностию посвящает Александр Пушкин». Если поначалу он читал историю Карамзина «как свежую газету», да еще и «злободневную», по его же выражению, то потом он осознал, что Карамзин заложил основы русского миропонимания. Борис Эйхенбаум писал: «Мы слишком мало обращали до сих пор внимания на то, что Карамзин был не только художником, но и мыслителем и, можно сказать, первым нашим философом» [Эйхенбаум, 1986: 20]. Миропонимания, где Россия выглядела как часть Европы, причем важная часть. Еще до Тютчева, сказавшего, что навстречу Европе Карла Великого встала Европа Петра Великого, Карамзин, не употребляя подобной высокой формулы, показал Россию как часть европейского материка, **способную к самопознанию**, а стало быть, и к тому, чтобы выразить европейскую ментальность. Ведь, строго говоря, основы древнегреческой мыслительности заложил историк Геродот. Вообще, Карамзин дал Пушкину не только материал для размышления о России, он подарил ему великого мыслителя в друзья. Пушкин, как известно, легко сходился с людьми, но Чаадаев среди всех был неразменным золотым. У Карамзина Пушкин познакомился с Чаадаевым. В Царском селе. «Когда они впервые встретились у Карамзина в Царском селе, Чаадаеву было 22, Пушкину 17, он еще учился в Лицее» [Гершензон, 2000: 131].

Пустое пространство, дикую Скифию, Карамзин сумел оживить и двинуть в мир, причем, не придумывая немислимых сюжетов, а рисуя и осмысливая то, что было. Было хорошее, писал о хорошем, были ужасы Ивана Грозного — ужаснее о злодействах

Грозного ярче Карамзина не написал никто. Недаром Пушкин назвал его Историю не только созданием великого писателя, но и подвигом честного человека. Более того, у Пушкина было неожиданное сравнение, когда он написал, что «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом». Россия как целый материк, но в отличие от Америки с исторической жизнью. Но почему же никто ее из европейцев не замечал, словно некий железный занавес намертво закрыл Русь от Запада. А ведь занавес был. Это татаро-монгольское нашествие. Оценивая масштабы разрушения Руси монгольскими ордами, русские историки проводили аналогию с падением Римской империи в эпоху переселения народов. «Россия, — писал Н.М. Карамзин, — испытала тогда все бедствия, претерпенные Римскою империею от времен Феодосия Великого до седьмого века, когда северные дикие народы громили ее цветущие области. Варвары действуют по одним правилам и разнятся между собою только в силе» [Карамзин, 1993: 419]. Несмотря на уважение к памяти Карамзина, эффективность и внешнюю убедительность сравнения, ему необходимо возразить. Во-первых, варвары, ворвавшиеся в области Римской империи, слишком долго жили по окраинам римской Ойкумены, отчасти пропитались ее духом, во всяком случае пришли в Рим как христиане, а христианство, оказавшее в дальнейшем решающее влияние на их культуру. Татаро-монголы были и остались чужды христианству, обходясь с церковью, как с необходимым для их нужд орудием. Не церковь подчиняла завоевателей, а завоеватели-варвары подчинили себе церковь. Во-вторых, германские племена попали на почву высокоразвитой античной цивилизации, складывавшейся и укреплявшейся не одно столетие. Русь же сама только-только ступила на путь цивилизации. И если германцы в конечном счете подпали под влияние покоренного ими Рима, то на Руси произошло обратное: Русь оказалась под мощным воздействием Золотой Орды. Иными словами, неокрепшая, только становящаяся цивилизация была *сызнова варваризована*.

И трагедия Руси, и ее историческая заслуга перед Европой была значительна. Это был путь в несколько столетий. От первых новгородско-киевских князей, которые ходили походами на Византию, до спасения Западной Европы погибающей Русью от татаро-монгольского нашествия, иными словами, спасения христианского мира. Пушкин подхватил эту мысль Карамзина: «Нет сомнения, — писал поэт, — что Схизма отъединила нас от остальной Европы (стало быть, считает Пушкин, Россия была ее частью. — В.К.) и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясли, но у нас было

свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами (т.е. для Карамзина и Пушкина — европейцами. — В.К.), сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех» [Переписка А.С. Пушкина, 1982: 289]. Спасение Западной Европы отныне стало своего рода парадигмой бытия России, той самой России, которую Запад не хотел замечать.

Становление Карамзина началось с «Писем русского путешественника». Едва ли не впервые не западный путешественник поехал в африканскую Россию, а русский, причем весьма образованный дворянин, поехал в Европу — не учиться, как при Петре или Екатерине, а смотреть, наблюдать, делать выводы. То есть поехал как равный. Не по слухам, не по байкам, даже не по легендам, а самому все увидеть. Что за создание такое — Европа и так ли уж Россия существует вне этого пространства. Ведь европейские тексты Карамзин читает, понимает, переживает, даже начинает свое путешествие, ставя себя в контекст европейских путешественников. Более того, сообщает, что хотел писать роман из европейской жизни, но сжег его, ибо надо самому видеть, что пишешь: «Вечер приятен. В нескольких шагах от корчмы течет чистая река. Берег покрыт мягкою зеленою травою и осенен в иных местах густыми деревьями. Я отказался от ужина, вышел на берег и вспомнил один московский вечер, в который, гуляя с Пт. под Андроньевым монастырем, с отменным удовольствием смотрели мы на заходящее солнце. Думал ли я тогда, что ровно через год буду наслаждаться приятностями вечера в Курляндской корчме? Еще другая мысль пришла мне в голову. Некогда начал было я писать роман и хотел в воображении объездить точно те земли, в которые теперь еду. В мысленном путешествии, выехав из России, остановился я ночевать в корчме: и в действительном то же случилось. Но в романе писал я, что вечер был самый ненастный, что дождь не оставил на мне сухой нитки и что в корчме надлежало мне сушиться перед камином; а на деле вечер выдался самый тихий и ясный. Сей первый ночлет был несчастлив для романа; боясь, чтобы ненастное время не продолжилось и не обеспокоило меня в моем путешествии, сжег я его в печи, в благословенном своем жилище на Чистых Прудах. — Я лег на траве под

деревом, вынул из кармана записную книжку, чернильную и перо и написал то, что вы теперь читали» [Карамзин, 1984: 11—12]. Как видим, с самого начала он сообщает читателю, что он, как автор, существует в европейском контексте, который он знает лучше, чем европейцы России: «пространство. Это ему быстро становится ясно».

«Между тем вышли на берег два Немца, которые в особливой кибитке едут с нами до Кенигсберга; легли подле меня на траве, закурили трубки и от скуки начали бранить Русской народ. Я, перестав писать, хладнокровно спросил у них, были ли они в России далее Риги? «Нет», — отвечали они. «А когда так, государи мои, — сказал я, — то вы не можете судить о Русских; побывав только в пограничном городе». Они не рассудили за благо спорить, но долго не хотели признать меня Русским, воображая, что мы не умеем говорить иностранными языками. Разговор продолжался. Один из них сказал мне, что он имел счастье быть в Голландии и скопил там много полезных знаний. «Кто хочет узнать свет, — говорил он, — тому надобно ехать в Роттердам. Там-то живут слава, и все гуляют на шляпках! Нигде не увидишь того, что там увидишь. Поверьте мне, государи мои, в Роттердаме и сделается человеком!» — «Хорош гусь!» — думал я, и пожелал им доброго вечера» [Карамзин, 1984: 12].

Это первое столкновение с европейским типом восприятия мира, увертюра к «Письмам», которая показывает, что Европа видит только себя. А Карамзин хочет увидеть Европу в реальности, причем не ставя себя ни выше и не ниже собеседников. Позиция выжата — уважения и желания узнать то, что не знаешь. Вообще-то уже в таком подходе звучит подлинно европейский подход, тот, который когда-то сделал Европу Европой. Карамзин составил маршрут, желая посетить и пообщаться с крупнейшими умами Европы (как мы понимаем иностранные языки были ему вполне доступны). Неожиданно в его путешествие вклинилась Французская революция, которая во многом сменила вектор его миропонимания. Как писал великий русский филолог Буслаев: «Если русская литература, со времен Петра Великого, довершая дело преобразования, имела своею задачей внести к нам плоды западного просвещения, то Карамзин блистательно исполнил свое назначение. Он воспитал в себе человека, чтобы потом, с полным сознанием, явить в себе русского патриота. Любовь к человечеству была для него основой разумной любви к родине, и западное просвещение было ему дорого потому, что он чувствовал в себе силу водворить его в своем отечестве» [Буслаев, 1990: 450].

Пока же приведу его визит к величайшему мыслителю XVIII в., мыслителя, к идеям которого вернулись неокантианцы в начале XX в., одного из самых сложных и европейских мыслителей, давшего код европейской культуры. Начну с визита. «Вчера же (июня 19, 1789 г.) после обеда был я у славного Канта, глубокомысленного и тонкого Метафизика, который одовергает и Малебранша и Лейбница, и Юма и Боинета — Канта, которого Иудейский Сохрат, покойный Мендельзон, иначе не называл, как *der alles zerstampende Kant*, т.е. *все разрушающий Кант*. Я не имел к нему писем; но смелость гора берет — и мне отворились двери и кабинет его. Меня встретил маленький, худенькой старичек, отменно белый и нежный. Первые слова мои были: «Я Русской Дворянин, люблю великих мужей и желаю изъяснить мое почтение Канту». Он тотчас попросил меня сесть, говоря: «Я писал такое, что не может нравиться всем; но многие любят метафизические тонкости». С полчаса говорили мы о разных вещах. (...) Кант говорит скоро, весьма тихо и не вразумительно; и потому надлежало мне слушать его с напряжением всех нерв слуха.» [Карамзин, 1984: 20—21]. Замечу, что мы видим разговор равных, никакого подобиюстрастия перед западным гением. Дело не в количестве знаний, а в самоуважении. Не знаю уж в том, что с великим философом говорил великий историк. Он знал современный ему интеллектуальный Запад, как мало кто. А тут все эти гении живые. Он общается с Гердером, Виландом, переписывается с Лэфатером, смотрит живопись великих англчан и французов, переживает якобинскую революцию.

В своей работе «Что такое Просвещение?» Кант связывал совершеннолетие человека и его способность пользоваться собственным разумом с развитием свободы. Карамзин умел и смел пользоваться собственным разумом. Поэтому пытаюсь усвоить западноевропейские идеи, он никогда не был рабом великого имени. Приняв от Руссо принцип сентиментализма, ввел его в русскую литературу, Карамзин написал знаменитую «Белую Лизу», создавшую так называемый лизин текст в русской литературе. Но якобинцы увидели своего предшественника в великом Руссо, отвергнув науку и культуру, как позднее предшественником большевиков стал руссоист Лев Толстой с его великим отказом от всех завоеваний цивилизации, которая-де не нужна народу. Карамзин сумел разделить Руссо-художника и Руссо-мыслителя: «Добрый Руссо! Ты, который всегда хвалишь мудрость природы, называешь себя другом ее и сыном и хочешь обратить людей к ее простым, спасительным законам! Скажи, не сама ли природа вложила в нас сию живую склонность ко знаниям? Не она ли приводит

ее в движение своими великолепными чудесами, столь изобильно вокруг нас рассеянными? Не она ли призывает нас к наукам?» [Карамзин, 1982: 41]. Карамзин еще республиканец, создает повесть «Марфа-посадница», о защитнице новгородской вольности, хотя добавляет, что Марфа была благородна, но историческая закономерность истории вела к монархии. Трагедия Франции убеждала его, что перевороты чаще всего оказываются катастрофой для страны.

Он создавал стихи, которым подражали его современники, он издавал журналы, в том числе переживший в разных обличьях «Вестник Европы», который должен был дать русскому образованному обществу ориентир духовной жизни. Он модернизировал русскую лексику, вводя европейские слова от промышленности до калаш. Карамзин обогатил язык словами-кальками, такими, как «впечатление» и «влияние», «влюбленность», «трогательный» и «занимательный». Именно он ввел в обиход слова «промышленность», «сосредоточить», «моральный», «эстетический», «эпоха», «сцена», «гармония», «катастрофа», «будущность». Разумеется, он стал знаменем молодых русских европейцев, объединившихся в общество «Арзамас», противостоял карамзинистам адмирал Шишков, который вместе с Г. Державиным основали литературное общество «Беседа любителей русского слова» (1811) с уставом и своим журналом, к этому обществу примкнули П. Катенин, И. Крылов. Шишкову казалось, что реформа языка, осуществленная Карамзиным, антипатриотична и даже антирелигиозна. Шишков утверждал, что «новшества» Карамзина «искажили» благородную и величественную его простоту. Шишков упрекал Карамзина в неумеренном употреблении варваризмов («эпоха», «гармония», «энтузиазм», «катастрофа»). Но как пишет современный немецкий славист Дирк Уффельманн, «Карамзин открыл как субъективная свобода соответствует независимости, Шишков подчинили единичное сознание коллективным правилам» [Uffelmann, 1999: 139]. Эта независимость позволила Карамзину оставаться во всем верным себе.

Но вот просвещенное меньшинство разбудило толпу и начало кровавую французскую революцию.

Итак, просвещенный, европейски образованный молодой человек, поклонник европейской культуры, общавшийся с Кантом, Гердером, Виландом, любивший, но не принявший Руссо, размышлял о принципах миропонимания по-своему. На его глазах правление Екатерины II сменилось деспотическим режимом Павла I, затем Александра I, закат жизни историка падает на правление Николая I. Четыре императора... Взлет и круше-

ние Великой французской революции, наполеоновские войны. Отечественная война с французским нашествием... Напомню тютчевские строки: «Его призвали всеблагие / Как собеседника на пир».

Из тех, кто посетил сей мир в роковые минуты, не каждый становится достойным собеседником богов. Карамзин стал. Прекраснодушный мечтатель, сентиментальный ревнитель просвещения, он сумел увидеть суровую линию исторического развития.

И вижу ясно, что с Платоном
Республик нам не учредить,
С Питтаком, Фалесом, Зеноном,
Сердец жестоких не смягчить.
Ах! зло под солнцем бесконечно.
И люди будут — люди вечно —,

писал сам Карамзин в 1794 г.

Тоска и грусть его слов не требуют пояснений. Но именно эта жажда идеала обратила его к истории своего отечества: чтобы понять, как жить, как можно воздействовать на жизнь, необходимо разобраться в принципах государственно-исторического устройства родной страны. Это была его личная потребность, но она совпала с общественной...

31 октября 1803 г. Карамзин назначен историографом с окладом 2 тыс. руб. в год. Главный выразитель государственного самосознания император Александр I хотел знать историю государства, которым он управлял. К началу XIX в. Россия вошла в тесный, небывалый ранее контакт с Европой как могучее и жизнеспособное государство, а не как стихийная азиатская орда. На взгляд европейцев, однако, русское государство возникло почти что из ниоткуда. Необходим был взгляд, рассматривавший Россию не изолированно, а в новом историческом контексте, в контексте европейской истории, пусть поначалу этот контекст и будет чисто литературным, мысленным, не выявленным научно (сравнения с Римом и Грецией, воспоминания о Таците и Ливии, как предшественниках, на которых ориентируется русский историк). Необходимо было показать, что Россия — страна с историей, а не случайный пришелец, страна, достойная своих европейских соседей. Вместе с тем надо учесть и то обстоятельство, что общение с Европой шло теперь не только на государственном уровне, но и на общественном. В России, по мнению Белинского, с конца XVIII в. возникает общество, и это общество тоже хочет понять, что же оно такое, ибо оно не уверено, что имеет достойное внимания историческое прошлое, особенно сравнивая рабскую

жизнь в России с европейскими свободами. «Восклицание известного Федора Толстого, — замечает Эйдельман, — (после прочтения Карамзина): "Оказывается, у меня есть Отечество!" — выражало ошущение сотен, даже тысяч образованных людей». Это была вторая линия, определявшая потребность в историческом исследовании. «Историк XIX века, — писал о Карамзине С.М. Соловьев, — уже предчувствует и истории науку народного самопознания; говорит, что она есть дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего. Мы сказали "предчувствует" потому, что это важно: определение несколько не разяно в последующей речи, где подобно историку XVIII века историограф подробно развивает пользу истории, как науки опыта, для различных разрядов общественных деятелей. При сходстве воззрения на предмет вообще должна быть разница в подробностях по самому расстоянию, разделявшему время жизни обоих историков, по самому различию характера этого времени. Историк, бывший свидетелем великих политических бурь и потом восстановления порядка; историк, писавший при государе, который был главным виновником этого восстановления, должен был обратить внимание преимущественно на то, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами обуздывалось их бурное стремление, учреждался порядок» [Соловьев, 1995: 49 (выделено мною. — В.К.)]. Это был человек, способный объединить эти два интереса в один и одухотворить его своим личным интересом, интересом свободной и независимой личности, которая пытается не предписывать истории свои законы, а постигать их. Мудрость, кончатая молодыми современниками историка (включая и юного Пушкина) далеко не сразу.

Настоящий христианин, переживший отказ французов от христианства, увидевший в этом движении путь в кровавую пропасть. Карамзин надеется найти протекцию и истории. Он пишет: «Что Библия для христиан, то История для народов» [Карамзин, 1992: 159]. Именно преодоление мятежных страстей народных ожидал он от исторического сочинения. Он хотел поставить русскую историю в контекст европейской, это был первый пункт его задачи. «Карамзин как великий писатель был вполне русский человек, человек своей почвы, своей страны. Сначала он приступил к жизни, его окружающей, с требованиями высшего идеала, идеала, выработанного жизнью остального человечества. Идеал этот, конечно, оказался несостоятельным перед действительностью, которая окружала великого писателя... (...) И Карамзин (...) стал историком "государства Российского"; он, может быть, сознательно, может быть, нет (...) подложил требования западного челове-

ского идеала под данные нашей истории, он первый взглянул на эту странную историю под европейским углом зрения» [Григорьев, 1980: 186]. Но он также хотел, чтобы бойца в исторический контекст, Россия не забывала своих грехов и ужасов правления, помнила не только позитив.

Это вот «золотое сечение», наложенное на историю, человеческая мера, примененная к историческим событиям и историческим деятелям, была мерой жизни самого Карамзина, чертой его отношения как к друзьям, противникам, так и к «сильным мира сего». Парадокс Карамзина в том, что, сохраняя в душе республиканские идеалы, он стал монархистом, ибо подумал, что самодержавие не случайный эпизод для России, а возникло исторически и есть некая гарантия от исторических потрясений, от выпадения России за пределы христианского развития.

В первых же строчках Истории он формулирует принципы своего подхода к мироустройству и не изменяет им далее.

«История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Практики, Законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благоварная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и заровнять им возможное на земле счастье. (...) Если всякая История, даже и не искусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний; тем более отечественна. Истинный Космополит есть существо метафизическое или столь обыкновеннейшее мнеление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть Греки, Римляне плещают воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная История великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская украшает отечество, где живем и чувствуем» [Карамзин, 1993: 6—7].

Заметим, что Европа уже не исключение для Карамзина — она среди прочих. Первый удар по своему европеизму Карамзин

получил от якобинцев, от их кровавого террора, когда благородные идеи просвещения превратились в свою противоположность. Потом пришло время Наполеона, который, по словам историка, облил кровью Европу, разрушил в сражах миожество европейских держав, к ним его приводило сердца в созогание. Если кратко определить его эволюцию, перемену взглядов, то это не просто любовь к Родине, а уверенность, что Россия будучи европейской имеет свой код развития. Вспомним, что и славянофилы, и западники начинали свое вхождение в интеллектуальное пространство с усвоения западноевропейских теорий, более того — с *идеализации Запада*. Классическим образом это ощущение выражено в часто цитируемых словах А.С. Хмякова о «бальном Западе, стране святых чудес». «Все, что создано на Западе, — писал Карамзин, — имеет общечеловеческий характер — такова исходная посылка обоих течений». «Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно и для русских, и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек» [Карамзин, 1984: 346]. Здесь очевидна почти слепая вера в Западную Европу. Тем сильнее наступило разочарование. Ужаснувшийся бесчеловечностью Французской революции, откатывшейся от многих базовых ценностей, прежде всего от защиты человеческой личности (одна казнь великого Лавуазье почти пугачевская по своей жесткости), Карамзин начал искать возможность гуманизма в просвещенном российском самодержавии.

Карамзин здесь подошел к важнейшей интеллектуально-гуманистической позиции, возможной для историка. «Молодые якобинцы», полемизировавшие с Карамзиным, мечтавшие о немедленном создании республики по новгородскому образцу, не желали учитывать исторического своеобразия развития и становления России, решительными мерами надеясь превратить ее в подобие Европы... Если вспомнить о крепостном праве, военных поселениях, солдатские, то нетерпение понятно, естественное. Но в известном смысле путь к неподрожательному, истинному европеизму, о котором, как мы знаем, мечтал и Карамзин, возможен только через самопознание и самосознание, через реальное знание о себе и отказ от идеологических иллюзий как консервативных, так и либеральных, во всяком случае, если не отказ, то осмысление их. «Карамзин, — пишет исследователь, — не устает повторять свое: что общество, государство складываются естественно, закономерно и всегда соответствуют духу народа, что преобразователям нравится или не нравится, придется с этим считаться. Он не сомневается, кстати, что и алжирский,

и турецкий, и российский деспотизм, увы, органичны: эта форма не подойдет французам, шведам, так же как шведское устройство не имеет российской или алжирской почвы» [Эйделман, 1983: 139]. Так что же делать? Принять самодержавие как последнее слово русской истории? В этом обвиняли Карамзина будущие декабристы. Но у историка была другая задача. Введение исторического параметра превращало хаос Прошлого в закономерно развивающийся космос.

«Самодержавие есть палладиум России; цельность его необходима для ее счастья» [Карамзин, 1991: 105], — писал Карамзин. Пушкин был поначалу этим расстроен и написал эпитафию:

В его «Истории» и изысканность, и простота
Доказывают нам, без всякого пристрастия,
Необходимость самовластия
И прелесть кнута.

С самодержавиями у Пушкина были сложные отношения. Николай его погубил, но именно он стал любимым великого императора, написав «Полтаву», «Медного всадника», «Арапа Петра Великого». Самодержавия бывают разные, но это не отменяет идею. Зрелый Пушкин понял, что Петр и в самом деле был создатель России, великий работник. Хочу процитировать слова Бердяева, замечая, что «многие наивные и непоследовательные люди думают, что можно отвергнуть Петра и сохранить Пушкина, что можно совершить разрыв в единой и целостной судьбе народа и его культуры. Но Пушкин неразрывно связан с Петром, и он сознавал эту органическую связь. Он был поэтом императорской, великодержавной России» [Бердяев, 1999: 237]. Связь двух строителей, как писал Федотов, империя, Петром и Пушкиным созданная. То, что Петр делал действием, Пушкин закодировал, закрепил в слове.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

Это была империя, создающая цивилизованное пространство, охватывавшее самые разные социальные слои и разные народы. Не случайны слова Г.П. Федотова, что Пушкин был «певец Империи и свободы» [Федотов, 1991: 141]. Цивилизуемое пространство империи давало возможность свободы. Как писал Г.П. Федотов, «Петровская реформа действительно вывела Россию на мировые просторы, поставив ее на перекрестке всех

великих культур Запада, и создала породу русских европейцев (хурский мой. — Я.К.) Их отличает прежде всего свобода и широта духа — отличает не только от москвичей, но и от настоящих западных европейцев. В течение долгого времени Европа как целое жила более реальной жизнью на берегах Невы или Москва-реки, чем на берегах Сены, Темзы или Шпрее. (...) Русский европеец был дома везде» [Федотов, 1991: 178]. Именно русские европейцы оказались в эпоху тоталитаризма защитниками европейской свободы. А исток их идей — из русских мыслителей — был Карамзин.

Каждая страна имеет свой палладиум, чтобы состояться как свободная европейская держава. Нельзя сказать, что Карамзин интеллектуально победил Пушкина, просто он дал ему ориентир. И Пушкин понял мелочность «молодых якобинцев», и благородство замысла Карамзина.

Именно Петербург, город построенный Петром, самодержцем, стал «камнем преткновения» (прошу прощения за случайный каламбур) в рассуждениях и спорах о возможной судьбе России. Еще до славянофилов, до Герцена, Бакунина, Достоевского и большевиков, ненавидевших этот город, по поводу судьбы Петербурга столкнулись два великих поэта — Мицкевич и Пушкин. Мицкевич отказывал Петербургу в праве называться европейским городом и твореньем человеческих рук, цивилизующих окружающую природу. В своем сочинении «Дядя, созданном в 1932 г. (после поражения польского восстания) и полным ненависти к России — с желанием вывести ее за пределы европейской культуры, он написал:

У лозчих поговорка есть одна:
Рим создан человеческой рукою.
Внешняя богами создана;
Но каждый согласился бы со мною,
Что Петербург построил сатана.

Весь «Медный всадник» — ответ Мицкевичу и своя трактовка петербургской судьбы. Пушкин объясняется в любви к городу: «Люблю тебя, Петра творенье!». Город — «Лыра творенье», как и вся новая русская культура, как и сам Пушкин. Но, быть может, Петр и есть сатана. Так, по крайней мере, говорили сторонники московских обычаев. Для Пушкина давно решено, что Петр — выражение Божьих мыслей о России.

Он прекрасен,
Он весь как Божья гроза.

Надо сказать, что Карамзин был много глубже, чем сторонник той или иной формы правления. И это тоже Пушкин понял

и принял. Незаболго перед смертью историк написал несколько, не скажу гениальных, но весьма мудрых фраз. В основе человеческой жизни лежит Божье провидение, и человек должен это чувствовать:

«Держалы, подобно людям, имеют определенный век свой: так мыслит философия, так вешает история. Благоразумная система в жизни продолжает век человека, — благоразумная система государственно продолжает век государства: кто исчислит грядущие лета России? Слышу пророков близкого конечного бедствия, но благодаря Всевышнего, сердце мое им не верит, — вижу опасность, но еще не вижу гибели!» [Карамзин, 1991: 109].

Тем не менее он понимал, что рано или поздно это произойдет. Есть ли выход?

В 1826 г. он написал «Мысли об истинной свободе». Эти мысли стоит прочитать внимательно, еще лучше провести по ним семинар, но хотя бы увидеть:

«Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервиллисты! Кто из вас может похвалиться искренностью? Вы все Августы, и бонтеся заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху. Аристократы, Сервиллисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод.

Аристократы! Вы доказываете, что вам надобно быть сильными и богатыми в утешение слабым и бедным: но сделайте же для них слабость и бедность наслаждением! Ничего нельзя доказать против чувств: нельзя уверить голодного в пользе голода. Дайте нам чувство, а не теорию. — Речи и книги Аристократов убеждают Аристократов; а другие, смотря на их величие, окрепнут зубами, но молчат или не действуют, пока обузтаны законом или силою: вот неоспоримое доказательство в пользу Аристократии: палица, а не книга! — И так сила лишь всего? Да, всего, кроме Бога, дающего силу!

Либералисты! Чего вы хотите? Счастья людей? Но есть ли счастье там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти?

Основание гражданских обществ неизменно: можете их поставить наверху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание.

Для существ нравственного нет блага без свободы: но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божию. Свободу мы должны являть в своем сердце чистом совестью и доверенностью к Провидению!» [Карамзин, 1982: 161]

Поразительно, что П. Я. Чаадаев, которого ругают как ненавистника России, беспощадного западника, в Карамзине прежде всего оценил интеллектуального, духовного творца великой страны — России: «Что касается в особенности до Карамзина, то скажу тебе, что с каждым днем более и более научаюсь чтить его память. Какая была возвышенность в этой душе, какая теплота в этом сердце! Как здраво, как толково любил он свое отечество! Как простодушно любовался он его огромностию, и как хорошо разумел, что весь смысл России заключается в этой огромности! А между тем, как и всему чуждому знал цену и отдавал должную справедливость! Где это нынче найдешь? А как писатель, что за стройный, звучный период, какое верное эстетическое чувство! Живописность его пера необычайна: в истории же России это главное дело; мысль разрушила бы нашу историю, кистью одною можно ее создать» [Чаадаев, 1989: 411–412].

Свобода государства рождается только и только через духовную свободу и независимость личности. Вряд ли кто задумывался, но все последние философические стихи Пушкина пронизаны по-карамзински понятой идеей христианской свободы. Путь к свободе идет через самопознание: «...но дай мне зреть мой, о Боже, прегрешенья».

И гениально-лаконично дал эту философскую формулу в своем реквиеме:

И долго буду тем любезен я народу,
 Что чувства добрые я лирой пробуждал,
 Что в мой жестокий век восславил я Свободу
 И милость к падшим призывал.
 Веленью Божию, о муза, будь послушна,
 Обиды не страшась, не требуя венца,
 Хвалу и клевету приемли равнодушно
 И не оспаривай глупца.

Был ли Карамзин консерватором, как уверяют сегодня многие? Но консерватор — хранитель незыблемости, а Карамзин вводил новые смыслы и перестраивал российское сознание. Он был человеком меры — в понимании Аристотеля. Как Аристотель он выступал за «золотую середину», которая есть понятие, противоположное посредственности: это своего рода совершенство или вершина, напоминающая линию хребта между двумя безднами или между пропастью и болотом, или, точнее, между Сциллой и Харибдой. Но это понятие меры плохо усваивалось в России как властью, так и оппозицией. Поэтому Карамзин так важен и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

- Uffelmann Dirk.* Die russische Kulturosofophie. Logik und Axiologie der Argumentation. Frankfurt am Main. Peter Lang Verlag, 1999.
- Бердяев Н.А.* Россия и Великороссия // Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918 гг. СПб.: РХГИ, 1999.
- Буслаев Ф.И.* Письма русского путешественника // Буслаев Ф.И. О литературе. Исследования, статьи. М.: Художественная литература, 1990. С. 450.
- Гершензон Михаил.* Избранное. В 4 т. Т. 1. Мудрость Пушкина. М.: Иерусалим: Университетская книга. Gesharim, 2000.
- Григорьев А.А.* Западничество в русской литературе, причины происхождения его и силы // Григорьев А.А. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1980.
- Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. Калуга: Золотая аллея, 1993. Т. 1–IV.
- Карамзин Н.М.* Мысли об истинной свободе // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982.
- Карамзин Н.М.* Мысли об истории // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982.
- Карамзин Н.М.* Нечто о науках, искусствах и просвещении // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982.
- Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984.
- Карамзин Н.М.* Сочинения: В 2 т. Л.: Художественная литература, 1984. Т. 1.
- Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России. М.: Наука, 1991.
- Переписка А.С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 2.
- Соловьев С.М.* Н.М. Карамзин и его литературная деятельность. «История государства Российского» // Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995.
- Федотов Г.П.* Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: В 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 2.
- Федотов Г.П.* Судьба и грехи России: В 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 2.
- Чаадаев П.Я.* Письмо А.И. Тургеневу. 1838 // Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Правда, 1989.
- Эйхенбаум Н.Я.* Последний летописец. М.: Книга, 1983.
- Эйхенбаум Б.М.* Карамзин // Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии. Л.: Художественная литература, 1986.